

Встреча за кадром

Михаил Козаков ищет и находит

Известия - 1989 - 6 окт. - с. 7.

Если бы социологи задались целью определить самых популярных людей телевидения последних лет, то в их число наверняка вошел бы актер и режиссер Михаил КОЗАКОВ. На днях ему исполняется 55 лет. Только что вышла книга его воспоминаний, подготовлена к печати книга С. Рассадина о Козакове. А зрителей, которым памяты работы Козакова-режиссера на Центральном телевидении, ждет в скором времени премьера его новой постановки — телефильма пьесы американского драматурга А. Миллера «Случай в Виши».

— Михаил Михайлович, задавали вы себе вопрос: какая из ваших биографий — актерская или режиссерская — наиболее для вас значима?

— Никогда не мог ответить однозначно. Все, чем приходится заниматься в жизни, — режиссура, актерские работы, чтение стихов со сцены или попытки что-то изложить на бумаге — это способ существования, нужный мне, необходимый. Точно знаю лишь то, что самое сложное для меня — режиссура. Это огромная ответственность — и перед актерами, и перед собой, и перед зрителем.

— Рассадин пишет о свойственной характеру Козакова «мучительной неудовлетворенности». Если такая черта присутствует, то не она ли послужила причиной к занятиям режиссурой?

— В какой-то момент становится тесно в рамках одной, данной кем-то роли. К тому же появляются собственные идеи, хочется их реализовать, выразить свою тему. А для этого нужно иметь выбор. Как говорил известный театральный режиссер и педагог Борис Захава: «Когда я актер — играю одну роль, когда режиссер, то все...»

— Но обычно актеры — призеры и в последнее время немало — идут в театральную режиссуру, в большое кино. Почему вы отдали предпочтение телевидению?

— Мне всегда хотелось верить в своего зрителя. Пусть не очень многочисленного, но любящего задуматься, склонного к сосредоточенному, домашнему восприятию. Ведь природа телевидения предполагает именно такой тон общения со зрителем. Для меня интересен не «монтаж аттракционов», как выражался Эйзенштейн, свойственный и необходимый большому кинематографу, а сочетание в телефильме на равных правах слова и изображения. Порой слово для меня даже на первом плане. Не знаю, взялся бы я за телефильм «Фауста», не будь пастернаковского перевода трагедии.

И потом, в большом кино сильнее режиссерская зависимость от кассового успеха. Я вынужден был бы снимать не то кино, к которому стремился. Я бы чувствовал себя чрезвычайно обязанным киностудии, мучился бы из-за необходимости возмещать студии затраты на постановку фильма. Тут уж не до интеллектуальных изысков. Вряд ли мне удалось бы поставить, скажем, «Маскарад» или «Фауста». Хотя в кинематографе экраном есть свои преимущества: более мягкие сроки, больше штат помощников. Работать легче.

— В ваших телевизионных работах практически всегда — смешение жанров. «Покровские ворота» — комедия, но грустная. «Визит старой дамы» по Ф. Дюрренматту — трагический фарс. А какой жанр любимый?

— Как в жизни нашей все сплетается между собой, так и в режиссерском решении той или иной вещи происходит стыковка жанров и стилей. Любимый жанр — трагикомедия. Я по себе замечал, что в некоторые моменты очень трагично воспринимал некоторые жизненные обстоятельства, а позже находил в ситуации немало смешного. Для меня сложно ставить вещь вообще вне юмора. Юмор обладает неперенным свойством расширять взгляд на мир. Другое дело, что я не смог бы поставить, например, чистой воды буффонаду, шоу. В любом сценарии, в том числе и в комедийном, должен быть некий смысл, глубокая проблема. Как это может совмещаться, вижу в моем самом любимом телефильме «Обыкновенное чудо» Марка Захарова. Здесь совпало все — замечательная драматургия Шварца, режиссерская трактовка, работа актеров и оператора, музыка...

— Мне показалось, что, выбирая литературную основу для сценария, вы тяготеете к классике...

— Может быть, в современном материале меньше глобальных проблем нашего времени. А вот, к примеру, в пьесе Льва Толстого «И свет во тьме светит» — и проблема поиска Бога, и единения людей, и неконтактность в семье, и всеобщая, как мы сейчас говорим, некоммуникабельность.

Последняя работа, «Случай в Виши», — об одиночестве личности, о национальной проблеме в условиях фашистского, тоталитарного мышления общества. Но я бы не сказал, что Дюрренматт или Миллер — это классика. Это драматургия нашей эпохи, хоть и высочайшего уровня. Вообще, поиск произведения, в котором

я вижу свою тему, для меня чрезвычайно труден, иногда мучительно долг.

— А не было желания сделать авторское кино, по собственному сценарию?

— Пока нет. Так как я не считаю себя писателем. Склонен доверять настоящей литературе, на нее и опираться.

— Вы сами вышли из «актерского цеха». Как складываются теперь отношения с актерами, которые работают с вами?

— Не кривя душой могу сказать, что я очень люблю сам процесс работы с актерами. Считаю настоящей удачей, если случается открыть молодого актера, как было с Олегом Меньшиковым в «Покровских воротах» или в «Случае в Виши», где занят пока практически неизвестный зрителю молодой актер Константин Кравинский. Но главное — создать ансамбль, найти общий язык с актерами.

Я стараюсь работать, снимать быстро, как многие утверждают, работаю «по-американски», пресингом. «Случай в Виши» мы сняли за 21 день.

— Вы только что вернулись из поездки по США. Быть может, американские впечатления станут толчком для новых идей, новой работы? И что вы намеряете на ближайшее время?

— Ближайшие планы — съемка на телевидении фильма-концерта, в котором я буду читать стихи И. Бродского. А что касается Америки, то после многих встреч с соотечественниками, живущими там, возникла потребность серьезно поразмышлять о теме эмиграции. Привез с собой много литературы, сейчас буду знакомиться с творчеством писателя Аркадия Львова, живущего в США. Может быть, какое-то из его произведений станет в будущем основой фильма. Эмиграция — явление очень многообразное, противоречивое. Судьбы — самые разные. Так что нужно думать...

И. КУКИН.